

Илья Олейников: «Жизнь меня часто ставила в неудобные позы...»

Недавно я летал в Тюмень. Спускаюсь с трапа самолета и вижу: духовой оркестр, телекамеры... Стало так приятно! Подхожу к оператору и скромно говорю: «Ребята, ну что вы... Можно было и без оркестра обойтись». А он мне отвечает: «При чем здесь вы? Мы встречаем нашу чемпионку мира по биатлону...»

В нашем классе ученики делились на отличников и остальных. Отличники, так называемая «золотая молодежь», ни с кем не общались, и мне попасть в их компанию было нереально, поскольку в школе я учился плохо и вообще слыл полным идиотом. Но однажды соседка Зинка, которая входила в круг избранных, пригласила меня на день рождения. Не знаю почему, может, просто пожалела?..

В честь первого выхода < в свет > папа решил меня экипировать, причем так, чтобы я не ударил в грязь лицом. Купил мне в местном универмаге синий, на первый взгляд импортный костюм, причем на два размера меньше. Я насколько мог спустил брюки на бедра, но это все равно не помогло — между брюками и туфлями виднелась полоска красных носок. С руками дело обстояло еще печальнее — из-под них предательски торчала рубашка. В довершение всего папа повязал мне на шею галстук с восточным орнаментом. Судя по расцветке, галстук приобрели на рынке где-нибудь в Средней Азии. И вот в таком

Папа любил красиво одевать и приносить красивые вещи. Последняя страсть его и сгубила

время разрядила напряженную обстановку, но только на время... Интерес ко мне гости скоро потеряли, и теперь уже навсегда... Праздник я покидал с горькой мыслью: никогда мне не блистать в элитных компашках. Всяк сверчок знай свой шесток! Но, возможно, именно эта история и повлияла на то, что я стал артистом. Уже очень мне хотелось доказать благополучным отличникам, что и я на что-то способен.

Мысль об актерстве подкреплялась еще и тем, что в точных науках я был полным дебилом. А коли так, мне светила одна дорога — в театральный институт. Правда, существовало одно «но» — я не был уверен, что поступлю в Кишиневе: по тогдашним нормативам вуз должен был набрать столько-то молдаван, столько-то русских, ну и малую толику чудом просочившихся евреев. Я бы не просочился точно, потому что нужно было родиться еще и очень умным евреем.

Взвесив все хорошенько, я подался в Кишиневский народный театр. Руководил этим театром Александр Мутафов, он же и скромный его создатель. Мутафов пил дешевый «портвейн», как он сам его любовно называл, и курил вонючие сигареты «Ляна». За десять лет существования народного театра мэтр поставил всего два спектакля — «Бесприданницу» Островского и пьесу молодого грузинского драматурга «Девушка из Сантьяго». Несмотря на то что оба спектакля шли десять лет, Мутафов ежедневно проводил многочасовые репетиции, доводя сцены до совершенства. Полгода я просидел в зале, ожидая, когда же меня наконец введут в спектакль. Это свершилось, когда я уже почти потерял надежду. В грузинской пьесе о чилийском народе был персонаж — священник Веласкес, который успевал произнести всего одну фразу: «Я — священник Веласкес из Сьюдад-Трухильо». После чего по приказу революционерки из Сантьяго его вешали. Этим Веласкесом был я.

Но блистал на подмостках народного театра я недолго. На самом деле меня всегда больше привлекала эстрада: ее мишурный блеск манил, как бусы папуаса. Поэтому я отправился в Москву поступать в эстрадно-

Мама именинницы внесла в комнату блюдо с фаршированными яйцами. Я брякнул: «А вот и яйца!», вложив в эти слова некий тайный смысл

виде, с подарком и цветами я отправился покорять «высшее общество».

Мой ублюдский костюмчик вызвал неподдельный интерес одноклассников: до этого меня видели только в школьной форме. Поначалу я робел, чувствуя себя не в своей тарелке. И только когда мама именинницы торжественно внесла в комнату большое блюдо с фаршированными яйцами, я громко и нарочито небрежно брякнул: «А вот и яйца!», вложив в эти слова некий тайный смысл. Моя сакраментальная фраза на какое-то

цирковое училище. На экзамене перед приемной комиссией, помню, читал басню Сергея Михалкова «Заяц во хмелю». А поскольку первые восемнадцать лет жизни я провел в Кишиневе, то изъяснялся на жуткой смеси украинского и русского, густо приправленной одесским наречием. К тому же я совершенно не умел произносить шипящие и говорил скороговоркой, словно рот набит горячей картошкой. Понимали меня, надо сказать, только очень близкие друзья. Когда я начал читать басню, весь педсостав ушел под стол, ко-

торый долго тряся от гогота экзаменаторов. В результате я был единодушно зачислен в училище, что стало настоящей сенсацией не только для меня, но и для родителей.

— **В цирковом училище вы ведь, кажется, учились с Пугачевой?**

— Нет, я всего лишь снимал комнату с другом Ромой, который учился с Микой, будущим отцом Кристины Орбакайте, в то время еще ухажером Аллы. Пугачева работала в училище концертмейстером. В верхнем зале, где стоял рояль, мы с Аллой после занятий ждали: я — Рому, она — Мику. Чтобы убить время, музицировали в четыре руки и пели всякую сентиментальную муть, ловя от этого невероятный кайф. Конечно, Алла тогда совершенно не походила на себя сегодняшнюю — смешливая невзрачная рыжая девочка. Но уже тогда в ней просматривался достаточно сильный характер.

Помню, как-то идем втроем по улице — я и Алла с подругой. Подруга вдруг внезапно к ней повернулась и изрекла: «Алла, а ведь ты будешь очень знаменитой!» Мне стало очень обидно, что меня обошли пророчеством. «А я что? — спрашиваю. — Что будет со мной?» «Не знаю, как насчет «знаменитый», но к пятидесяти годам у тебя появятся деньги». Ответ меня, признаться, удивил: я и слава — это как-то я еще мог себе представить, но я и деньги — понятия несовместимые... А тут меня обделяют славой и награждают ею совершенно постороннего человека! И я стал ревностно следить за карьерой Аллы. Слава к ней действительно пришла довольно быстро — где-то лет через пять после предсказания.

— **А кто еще из вашего училища стал знаменитым?**

— Гена Хазанов. Он был единственным москвичом на нашем курсе и поэтому жил в собственной квартире. Мне же приходилось то снимать угол в коммуналке, то жить в общежитии. Я часто напрашивался к нему в гости поест домашненького — его мама прекрасно стряпала. Помню, как мы с Геней готовились к сессии. Покупали три или четыре пачки пельменей и, наевшись до отвала, читали вслух перед экзаменом по истории театра пьесу Толстого «Плоды просвещения»: мы озвучивали всех персонажей голосами известных политических деятелей — Ленина, Сталина, Брежнева...

Гена с гордостью водил меня к своим друзьям, наблюдая в сторонке, как я шокирую «общество» неповоротливостью и неумением вести себя за столом. Но Москва делала свое дело — и вскоре из провинциального несуразного паренька я превратился в столичного пижона, пытавшегося даже положить глаз на местных красоток. Но и в этом деле Гена умудрялся меня обскакать. Мне же оставалось только молча сносить неудачи.

Уж не знаю как, но училище мы все-таки закончили. По распределению я попал в оркестр к Саульскому, а Хазанов — к Утесову. Не прошло и двух лет, как фамилия Гены зазвучала. Каждый очередной успех Хазанова я воспринимал как плевок в рожу. Хотелось хоть как-то сократить дистанцию и приблизиться к его славе. Но вскоре я потерял всяческую надежду на это. Как-то, выпив литр «Айгешата» и посмотрев очередное телевизионное выступление Хазанова (мне тогда было тридцать восемь), говорю жене: «Если мне стукнет сорок, а я все еще буду никому не нужным засранцем, уеду из этой

Я два года разваливал Кантемировскую дивизию. Она долго приходила в себя после того, как я оттуда ушел. Правда, и я после армии приходил в себя лет шесть

страны». И представляете — только мне исполнилось сорок, как что-то в моей судьбе стало меняться в лучшую сторону. Конечно, популярность не обрушилась снежным комом, но лед тронулся — это я почувствовал точно.

— Поди, трудно было вам, бедному студенту, жить на одну стипендию, без родительской помощи?

— Еще бы! Как-то на молодежной вечеринке я познакомился с Юрой Николаевым. Он тоже приехал в Москву из Кишинева и учился на втором курсе ГИТИСа. Его общежитие находилось недалеко от Рижского вокзала. Там часто останавливались туристские поезда, и в вагонах-ресторанах оставалось много еды, которую приезжие не успевали съесть. Почти каждый день я заезжал к Юре, мы брали кастрюльку и, как стемнеет, отправлялись к ближайшему составу. Тихонько стучались в вагон, а когда из него выходил ошарашенный повар, протягивали кастрюльку. В основном говорил я, изо всех сил стараясь вызвать у повара жалость к тяже-

лой судьбе бедных студентов. Юра все больше молчал, от стыда покрываясь красными пятнами. Думаю, в такие моменты он вспоминал папу. Юрин отец служил начальником тюрьмы в Кишиневе и знать не знал, что его единственный сын, вместо того чтобы учиться в поте лица, ошивается с кастрюлькой у вагона-ресторана. А мне терять было нечего, потому как мой папаня, наоборот, находился под следствием и работал грузчиком. Жадно следя за поварешкой сердобольного повара, я еще и подстегивал его: «Накладывай, батя, побольше мяса, а то, ишь, одной гречки наложил». Честно заработанный ужин мы с Юрой съедали тут же, не отходя от вагона.

— А за что ваш отец попал под следствие?

— Папа любил красиво жить, красиво одеваться и приносить красивые вещи. Последняя страсть его и сгубила. Работал отец на маленьком кожевенном заводике и после рабочего дня занимался неистовым хищением госимущества, то есть кожи. Воровал он скорее из жало-

сти к никому не нужному имуществу: огромные куски бесхозного добра валялись по всей территории комбината. Папа опоясывал ими свое могучее тело, затем напяливал необъятные штаны и такую же фуфайку и спокойно шел через проходную. Когда краденой кожей у нас во дворе было забито пять сараев, папа сказал: «Ну все! Теперь можно начинать «реализацию». Прослышав

рися, как Отелло, набросился на бедную Гусер и, прижав ее к стенке, стал очень натурально душить. Валины глаза полезли из орбит, и она явно приготовилась окочуриться. Но в процессе душения я вдруг мысленно представил себя в местах не столь отдаленных в зекской робе, и мне эта картина очень не понравилась. Милостиво разжав цепкие объятия, я отпустил

Следя за поварешкой сердобольного повара, я еще и подстегивал его: «Накладывай, батя, побольше мяса, а то, ишь, одной гречки наложил»

про доброго семита, отдававшего кожу почти даром, со всей Молдавии к нам потянулись сапожники. Папин брат, видя эдакое безобразие, пытался его остановить: «Лева, ты сядешь, или я не Абраша!»

Дядя Абраша как в воду глядел: вскоре папу взяли с поличным прямо на проходной. Подхватив с двух сторон, обэхаэсэсники внесли его со всем содержимым в троллейбус. Там папе стало дурно (ведь он был обмотан кожей, как кокон), и он попросил разрешения снять фуфайку. Разрешили. Тогда папа, высвободившись, как Гудини, из влажной кожи, свернул ее в рулон, запихнул в фуфайку и незаметно передал пассажиру с просьбой выбросить сверток в окно. Так что в милицию приехали уже без улик. В ожидании прокурора папу посадили в КПЗ. Вечером мы получили от него тревожную весть: «Не волнуйтесь, я в тюрьме. Жгите продукт. Пока иишь ваш Лева».

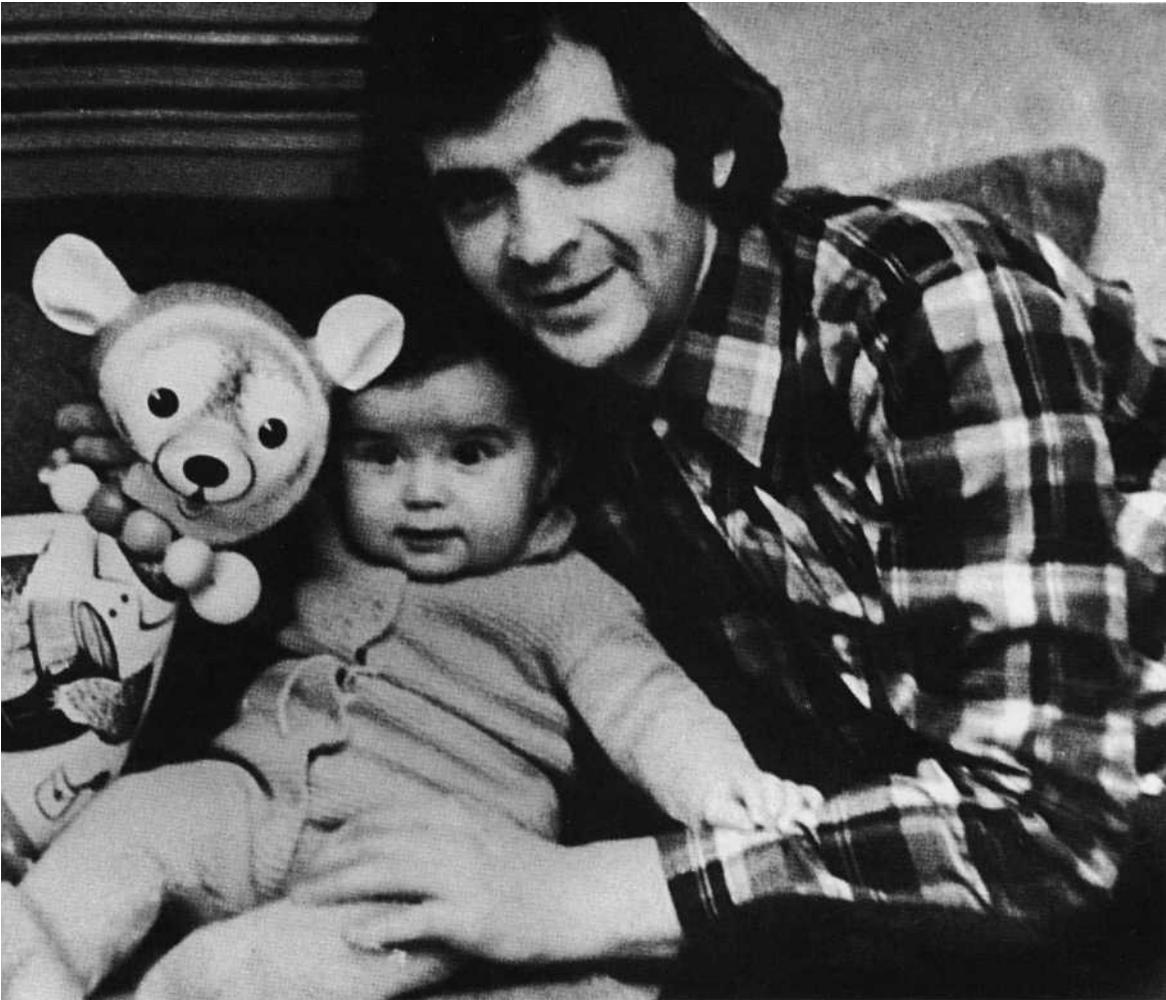
Получив ответственное задание, дядя Абраша принялся без устали день и ночь палить честно наворованное папой добро. Весь город заволокло дымом, и к утру с темным папиным прошлым было покончено. Когда из ОБХСС пришли с обыском, ничего, кроме пепла и маминых слез, не обнаружили. Суд после долгих разбирательств все же вынес папе приговор: год условно. Вернувшись домой, он крепко выпил и сказал: «Если бы я знал, что все так закончится, разве бы я разрешил Абраше так бесчинствовать?!»

— **Бедный студент думал только о хлебе насущном или успевал и за девочками ухлестывать?**

— Вообще-то все, что связано с романами ранней юности, носило, скажу честно, какой-то фатальный характер. Мне всегда изменяли. Как-то, приехав на каникулы в Кишинев, закрутил я роман с девушкой по имени Валя Гусер. Оборачиваюсь в прошлое — крокодил крокодилом, но если учесть, что и я не блистал особенной красотой, то со стороны мы, наверное, смотрелись вполне гармонично. Валя очень любила походы, романтические песни у костра и красные байковые штаны. Когда я уезжал, она обещала хранить верность и ждать. Однако наведавшись в очередной раз домой, я вдруг узнаю, что гадюка подколотная изменила мне с другим мальчиком. Причем изменила в туристском походе, прямо в спальном мешке! Я разъя-

Виделись мы до свадьбы с Ирой всего четыре раза, а до этого только переписывались

Погруженный в искусство, я, к счастью, не смог принять горячего участия в образовании сына. Может быть, поэтому он и начал свою эстрадную жизнь намного удачнее

полузадушенную Гусер, и она пошла домой. Очевидно, тихо умирать.

Последний мой трагический роман тоже родом из Кишинева. Занюба училась в театральном институте и была старше меня на несколько лет. Я отмечал с друзьями Новый год, там-то нас и познакомили. Девушка умело уложила меня в постель, из коей я десять дней не вылезал. Естественно, вместе с ней. Мама с папой буквально меня потеряли. Я едва успел с ними попрощаться за три часа до отлета московского самолета. Это было полное сумасшествие! Она писала мне страстные письма, которые будоражили мое еще не совсем окрепшее мужское воображение, и два раза в месяц втайне от родителей я летал к ней в Кишинев, благо билеты стоили копейки. Двадцатирублевой стипендии и родительской помощи в сороковник как раз хватало на два полета в месяц. (Питался я в студенческой столовой, где можно было наестся до отвала всего за тридцать копеек.) От полета к полету чувство зрело, и дело дошло до того, что

я готов был жениться. К счастью, друзья вовремя доверительно сообщили, что, сочиняя свои эпистолярные шедевры, моя суженая не теряет времени даром, успевая приглубить добрую половину мужского населения молдавской столицы. В моей голове это не укладывалось. А как же любовь? Большая, светлая и чистая?! Но папа мне все объяснил: «Поц! Ей нужен штамп в паспорте!» Это был тяжкий удар по самолюбию, но на сей раз душиТЬ неверную избранницу я не стал, припомнив печальный опыт с Вале́й Гусер.

— **Когда же вы успевали учиться?**

— Учеба шла параллельной жизнью, не менее интересной, чем любовные приключения. Мне очень повезло с учителями — прекрасными актерами Ольгой Аросевой и Евгением Весником. Еще моим педагогом был Саша Ширвиндт, а тексты для меня писал Аркадий Арканов. Ширвиндт приходил в училище в полузамшевой курточке — это был такой шик! Я показывал на него однокурсникам и небрежно кидал: «Мой пришел». Шир-

виндт спрашивал: «Ну, чем меня сегодня побалуешь?» Я отвечал: «Что Арканов написал — тем и буду баловать!» Репетировали чаще у него дома по той же причине, что и у Хазанова, — чтобы поесть домашней пищи.

А моя любимая педагогиня Ольга Александровна даже приезжала к нам в гости. Как-то в приватной беседе папа убедил ее, что только в Кишиневе можно просто даром купить шубу. Мы жили в частном доме почти на окраине. Дом состоял из одной небольшой комнатки, поделенной перегородкой, за которой пряталось некое

погодой и оделась в легкие туфельки на тонкой подошве и капроновые чулки. А колотун, как назло, стоял страшный! На следующий день после приезда собрались они с отцом за шубой. Папа галантно предложил даме прогуляться до магазина пешком. Ольга Александровна попыталась сопротивляться: «Холодно, да к тому же в капроне я», но отец не сдавался. Надо заметить, что в то время Аросева была сверхпопулярна, ее всюду узнавали и шумно выражали восхищение. Папа считался в городе тоже личностью довольно известной,

Я набросился на бедную Гусер и, прижав ее к стенке, стал душить. Валины глаза полезли из орбит, и она явно приготовилась окочуриться

подобие кухни. Сортир находился в сорока метрах от дома, поэтому перед сном под кровать ставился ночной горшок. А поскольку личный горшок имел каждый член семьи, то жили мы богато. Перед приездом Аросевой дома началась паника — как же Ольга Александровна останется без «ночной вазы»?! Пришлось купить гостье ведро, потому что с горшками в то время в стране была напряженка. Но Ольга Александровна — женщина легкая, перенесла все лишения мужественно.

За шубой она приехала зимой. Решив, что Кишинев — город южный, Ольга Александровна не рассчитала с

поэтому его появление на центральной улице под руку с пани Моникой было равносильно шоку. Через каждые пять минут его останавливал очередной знакомый, отводил в сторону и вкрадчиво спрашивал: «Лева, это она или мираж?» Папа отвечал: «Это не мираж, это она». Вскоре Ольга Александровна настолько замерзла, что уже готова была повторить подвиг генерала Карбышева, превратившись в ледяную статую. На робкую просьбу окоченевшей актрисы сесть в такси и не мерзнуть папа неизменно отвечал: «Мы уже почти рядом». Это «рядом» продолжалось еще добрый час, пока нако-

нец они не дошли до магазина. Ольга Александровна ввалилась туда полуживой и на вопрос продавца: «Могу ли я показать шубу, приготовленную специально для вас?» закричала в ответ: «Какую шубу? Водки — и как можно больше!» Правда, шубу потом все-таки купила...

— После училища вы остались в Москве?

— Да, в Москве, и первое время мне очень везло: распределился в Москонцерт и получил приглашение в телепередачу «Терем-теремок». Александр Ширвиндт, Татьяна Пельтцер, Андрей Миронов, Рудик Рудин, старухи Маврикиевна и Никитична и я — не правда ли, хо-

рошая компания? Впрочем, сладкого вкуса популярности я ощутил так и не успел, поскольку на два года загремел в Кантемировскую дивизию.

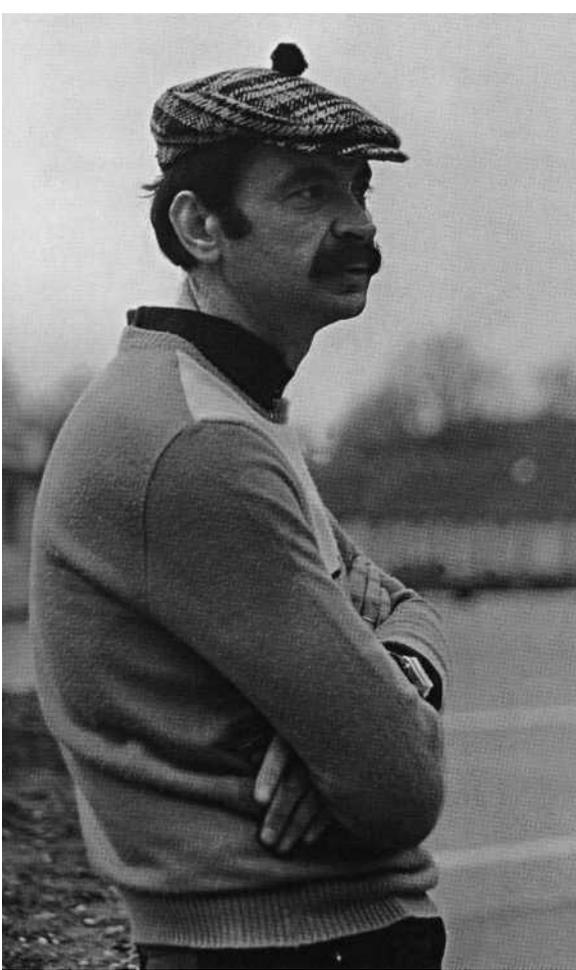
Слякотным февральским утром меня привезли в чудный город Наро-Фоминск, который мы между собой называли солдатской Нищей или задницей... сей-час уже не помню. Сдали в пехотный полк. Сумрачный неопохмеленный старшина, увидев мое чахоточное лицо, скупо обронил: «Лучше бы ты, парень, в тюрьму попал, чем сюда». После армии я приходил в себя лет шесть. Помню, когда демобилизовался, в Кишинев

На вопрос продавца: «Могу ли я показать шубу, приготовленную для вас?» Аросева закричала: «Какую шубу? Водки — и как можно больше!»

приехали с гастролями Ширвиндт и Миронов. К этому моменту я растерял все прежние контакты, а с ними и интерес к настоящему. Их приезд вывел меня из апатии. А тут еще, услышав о столичных артистах, папа пристал ко мне, как пиявка: «Пригласи их в гости, или я не твой отец!» Папа три дня подряд накрывал стол, но знаменитости все не приходили. Наконец на четвертый день родитель мой не выдержал и пригрозил: «Илюша, если сегодня они не придут, завтра я тебя убью. А похорону послезавтра. Ты же знаешь мои связи!» Я знал его связи и опять рванул в гостиницу. Слава Богу, Ширвиндт с Мироновым сжалились надо мной и пришли. За столом завязалась непринужденная беседа, папа прицепился к Миронову: «Товарисч Миронов! Ведь у вас папа Менакер. Это так?» — «Так». — «Значит, вы еврей?» Миронов отвечает: «Папа — да, я — нет. У меня мама русская». Отец не унимается: «То, что мама русская, не имеет никакого значения, ведь папа еврей! Значит, по сути, вы еврей». «Нет, у меня даже в паспорте написано, что я русский, — не соглашается Миронов. — Папа мой — человек светский, никакого отношения к синагоге не имеет». Батя долго сидел в протрации, переваривая услышанное, и наконец изрек: «Хорошо, ты не еврей. Ну а на идишь ты можешь что-нибудь сказать?» После пятнадцатиминутной пытки Андрей наконец изрек долгожданную фразу, которая всплыла в его сознании исключительно от безнадежности. Папа от восторга аж подпрыгнул и сразу налил ему стакан коньяка. (До этого не только ничего не наливал, но даже не кормил бедного Миронова.) Он хлопал Андрея по плечу и приговаривал: «Какой хороший парень!» Папа вообще ко всем братьям по крови испытывал очень теплые чувства. Помню, как-то пригласил я его на концерт. Сам я работал во втором отделении, а все первое мы сидели с ним в партере. Каждый раз, когда на сцену выходил ведущий и объявлял следующий номер, папу волновал только один вопрос. Ведущий объ-

С Ромкой Казаковым мы «бороздили моря и океаны» эстрадных площадок: выступали в женской колонии, в оленеводческом совхозе, даже в психиатрической больнице

**Что и говорить, жених был завидный!
Ни квартиры, ни денег...**

Ефим Левинсон и его куклы!» Папа трепещет: «Ах, какой хороший парень!» Хотя Левинсон не успел даже выйти на сцену.

Еще папа любил трепать нервы звездным людям. Год 1988-й: Кишинев увешан афишами Пугачевой, трехтысячный зал «Октобря» переполнен. Папа тут как тут: расталкивая охранников, извлекает из помпезной «Чайки» тогда еще хрупкое тело Аллы Борисовны и, придерживая за локоток, чтобы, не дай Бог, не убежала, нежно шепчет в ушко: «Я отец Илюши. Очень прошу, когда выйдете на сцену, скажите, пожалуйста, что вы меня знаете». Ошарашенная Пугачева безропотно соглашается. Начинается концерт, Пугачева стоит на сцене, освещенная мощными юпитерами, а папа ей изо всех сил моргает с первого ряда. Как только Алла произносит роковые слова: «Хочу поприветствовать моего хорошего знакомого, отца Илюши Олейникова», папа взмывает на сцену и впиивается долгим вампирским поцелуем в шейку обалдевшей примадонны.

Эх, папа, папа! В 83-м году он перебрался в Израиль и начал пить. Это в его-то возрасте! Несмотря на огромное количество родственников и знакомых, умер он там от одиночества...

**— А вы, в конце концов, перебрались в Ленинград.
По какой же причине?**

— Причина довольно банальная — я женился на девушке из Питера. Отслужив в армии, я без всякого труда был принят в кишиневский ансамбль «Зымбет», что в переводе с молдавского означает «Улыбка», где я еще под фамилией Клявер читал монологи, отдаленно напоминающие фельетоны. Никогда бы не подумал, что, гастролируя с безвестным кишиневским ансамблем в Славянске, который славился карандашной фабрикой и невероятной вонючестью, я встречу будущую жену. Ирина, без пяти минут инженер, в городе химиков проходила практику. На концерте она сидела в первом ряду

являет: «Заслуженный артист республики Герман Орлов». Папа поворачивается ко мне: «Еврей?» «Нет», — отвечаю. Все, он теряет всякий интерес к исполнителю и усердно разглядывает свои туфли. Наконец раздается долгожданное: «Заслуженный артист республики

и сразу привлекла мое внимание. Я встретился с девушкой глазами и... в мозгу запульсировала только одна мысль — как с ней познакомиться, Я с трудом дождался окончания концерта и перехватил ее прямо у выхода. Помню, нес какую-то чушь, только бы задержать ее. В конце концов, пригласил в ресторан. В кармане у меня

рублей, чтобы заплатить за бланк. Однажды Ира мне призналась, что как-то приснился ей странный сон: встает огромное солнце и говорит ей: «Скоро ты выйдешь замуж. Он будет невзрачен, неказист и нескладен, но ты будешь счастлива с этим уродом». Виделись мы до свадьбы всего четыре раза, а до этого только переписывались.

Как только Алла произнесла роковые слова, папа взмыл на сцену и впился долгим вампирским поцелуем в шейку примадонны

лежала одна-единственная потерянная купюра достоинством в три рубля. Когда в ресторане я предложил Ирине шампанского, она отказалась, зато попросила заказать коньяк. Сердце мое дрогнуло, но виду я не подал. В итоге мы поужинали на десятку, которую я у нее же и занял. Я был беден, как бомж у Казанского вокзала: даже в загсе у меня не нашлось мизерной суммы — полтора

рублей. Свататься в Ленинград я приехал в очень живописном виде: за спиной висела семирублевая гитара, в одной руке узелок с носками и рубашкой, в другой — почти пустой бочонок молдавского вина (по дороге я изрядно к нему приложился).

Когда я позвонил домой и сообщил папе, что женюсь, он воспринял это как очередную глупость. Поэтому

Прежде чем выйти на улицы «Городка», мы долго и упорно работаем в квартире Стоянова. Здесь в сигаретном дыму и рождается передача

Денис Клявер (слева) поет в дуэте «Чай вдвоем»

му поздравить-то поздравил, но материально помочь отказался. Ограничился пятью рублями и отеческим напутствием: «Не отказывай себе ни в чем. Помни, живем один раз». На эти деньги мы с Ириной купили будильник.

Что и говорить, жених я был завидный! Ни квартиры, ни денег. Первое время жили у Ириных родителей. После свадьбы я три месяца лежал на диване и ждал, когда жена придет и вкусно накормит. Но вскоре кормилица отбыла в командировку, и я остался один на один с тещей. Та, хотя и терпела зятя с трудом, но, надо отдать ей должное, каждый день выдавала по рублю на «Беломорканал». А так как пачка «Беломора» стоила 22 копейки, то путем элементарного сложения можно прийти к неутешительному выводу: теща снабжала меня деньгами, чтобы зятек поскорее искурился и умер.

Однажды вернувшись домой, она услышала, как я играю на пианино. Прислушавшись, спросила, что за странные звуки я извлекаю из инструмента. Я объяснил, что вставил кнопки в пианинный организм, чтобы

оно звучало как клавесин. Начался такой скандал! Оказалось, что несколько лет назад тесть в двадцатипятиградусный мороз простоял за этим пианино целый день в очереди.

Только спустя годы я понял, что все-таки выдержал тещин экзамен и состоялся как зять. Наверное, мне в этом помогли появившаяся популярность и родившийся сын.

— **Насколько я знаю, Денис поет в группе «Чай вдвоем». Но почему он не носит фамилию Олейников?**

— Потому что папа у него подлец! Подлец-папа отдал мальчику свою фамилию Клявер, а сам забрал у его мамы девичью. Мама-то у нас Олейникова! Представьте семейку: мама — Клявер, сын — Клявер, а папа — Олейников. Знаете, что мне сказала Ира, когда мы с ней расписались? «Как все несправедливо на этом свете. Мы с тобой обменялись несоизмеримыми ценностями. Я тебе отдала фамилию, а ты мне — национальность».

— **Вы всегда выступали с партнером?**

Да, с одним из партнеров — Ромкой Казаковым — я

проработал несколько лет. Встретились мы в один из холодных декабрьских дней у пивного ларька и, выпив по шестой кружке, решили: если две бездарности сольются в одну единицу, то можно брать народ массой. И стали «бороздить моря и океаны» эстрадных площадок. Выступали и в женской колонии, и в оленеводческом совхозе, даже в психиатрической больнице. Куда только нас не приглашали! Но мы были одержимы желанием прославиться, а это означало — попасть на телевидение. Однако если даже нас и приглашали на передачи, то безжалостная рука редактора или режиссера

семь лет, пока не встретил Юру Стоянова. Он тоже плелся, но в другом хвосте, не подозревая, что впереди его ждет судьбоносная встреча со мной.

— А как состоялась ваша историческая встреча с Юрием Стояновым?

Однажды мне позвонили с «Ленфильма» и предложили сыграть роль Горького в картине Виктора Титова «Анекдоты». Приехал я немедленно — звонками с киностудий меня баловали не часто. Читаю сценарий, но никаких следов Горького там не обнаруживаю. Помреж, извинившись, протягивает мне засаленную бумажку с

Ире приснился сон — встает солнце и говорит: «Скоро ты выйдешь замуж. Он будет неказист и нескладен, но ты будешь счастлива с этим уродом»

нас вырезала. Но однажды Бог все-таки решил сжалиться над нашими мучениями, и мы «засветились» на телеэкране. Пришла популярность, народ даже стал цитировать придуманную нами фразу: «Вопрос, конечно, интересный!» Но едва мы с Ромой ощутили тепло славы, как он внезапно ушел из жизни. Нелепая и глупая смерть!

В воздухе чувствовалось некоторое послабление. Я сумел пристроиться в хвост паровоза, который в конце концов вывозит на Олимп. Так я и плелся в этом хвосте

текстом. По роли на вопрос Сталина: «Товарищ Горький, это вы написали роман «Мать»?» я должен был ответить весьма однозначно: «Да». Мне захотелось несколько расширить диалог отца всех народов и великого писателя, но режиссер не отступал от сценария ни на букву. Наши пререкания закончились тем, что у меня отняли даже междометие «да», заменив его многозначительным кивком.

В этот же фильм на роль Александра I пригласили Стоянова. Юре повезло больше: его царь, в отличие от

Не знаю, каким был бы «Городок», если бы не фанатизм Юры. Стоянов, знаете, настоящий телевизионный Савонарола!

моего немого писателя, произносил целую неприличную фразу: «Пошел вон, мудака!» Стоянов очень гордился, что первым публично произнес это слово с экрана.

Фильм снимали летом в парке. Наши сцены отсняли в первый же день, но Титов настаивал, чтобы все занятые в картине актеры каждый день приходили на площадку. В один из таких «бездельных» дней я приволок полную сумку заветных бутылочек. И вдруг замечаю с

рев кассету на трезвую голову, решили: пора работать вместе. С этой идеей мы пришли на Петербургское телевидение в передачу Кирилла Набутова «Адамово яблоко». Кирилл почему-то сразу отдал нам страничку анекдотов. Спустя два года мы почувствовали: можем сделать что-то свое. Уехали в Комарово и стали придумывать передачу. Вернувшись в Питер, написали первый вариант. Поначалу нами заполняли технические

Гаишник повеселел: «Пархатого разыграть — святое дело. На это даже офицерской формы не жалко!» И нам выдали портупею, бляху и жезл

точно такой же сумкой Стоянова. «Юра, — говорю, — зачем же? Сегодня мой день рождения, значит, угощаю я». Юра отвечает, что у него тоже день рождения! Сверили паспорта и с удивлением обнаружили, что появились на свет в один день с разницей в десять лет.

— Из чего родилась ваша передача?

— Из рюмки. Встречали мы как-то вместе с Юрой Новым год. Естественно, выпили. С собой была видеокамера, и мы решили себя увековечить. Включили камеру и стали изображать что-то интенсивное. Утром, посмотрели

паузы. Но удача все-таки улыбнулась нам, причем вопреки всему. Я хочу отдать должное моему другу Юрию Стоянову. Потому что не знаю, каким был бы «Городок», если бы не его фанатизм.

«Городок» не дает ему спокойно жить, в процессе работы над очередной передачей он не может ни спать, ни есть, доводит до нервного истощения весь коллектив, но добивается желаемого результата. Как он умудряется успеть поруководить оператором, устроить истерику ассистенту, а потом быстренько переодеться, за-

Никогда бы не подумал, что, гастролируя с безвестным кишиневским ансамблем в Славянске, который славился карандашной фабрикой и невероятной вониюстью, я встречу будущую жену

гримироваться и сыграть — остается загадкой! Юра обожает розыгрыши, им придумана и львиная доля приколов.

— **Ведь вы даже в Израиле снимали приколы? Эта идея тоже принадлежит Стоянову?**

— Отчасти это и моя заслуга. В школе со мной за партой сидел отъявленный двоечник Миля Ройтман. Миля каждую четверть заканчивал с восемью двойками. А так как у меня двоек бывало не больше пяти, то я всегда смотрел на него немного свысока. Когда Миля вместе с родителями укатил в Израиль, моему горю не было предела: ведь я автоматически занимал почетное Милино место — круглого двоечника. Каково же было мое изумление, когда спустя много лет я, впервые ступив на землю обетованную, узнал, что Миля стал президентом крупной израильской авиакомпания и сказочно разбогател! Решив, что Миля не обеднеет, если потратит немного на что-нибудь стоящее, например, на «Городок», я предложил ему рискнуть. Идея снять «Городок» в Израиле Стоянову тоже понравилась. Возникла только одна проблема: какой прикол там снимать? Наконец Стоянов придумал поставить в Тель-Авиве русского гаишника, который будет останавливать машины с бывшими советскими гражданами и штрафовать их. Позвонили Миле в Израиль, тот посоветовал ехать в маленькие поселки, которые заселяли русскими эмигрантами. Туда вела отдельная дорога, и кроме наших по ней никто не ездил.

В питерском ГАИ мы попросили напрокат форму. Гаишный полковник долго вникал в наш сбивчивый рассказ и все никак не мог понять, кого мы собираемся разыгрывать. «Так кого — гаишника или пархатого?» — переспрашивал он. «Пархатого, пархатого», — дружно заверяли мы. «Так бы сразу и сказали, — повеселел гаишник. — Пархатого разыграть — святое дело. На это даже офицерской формы не жалко!» Нам выдали портупею, номерную бляху «ГАИ Санкт-Петербурга» и милицкий жезл.

В Израиле стояла чудовищная жара. Бедный Стоянов надел хромовые сапоги, гимнастерку, шинель, обтянулся портупеей и встал у дорожного столба. Мы принялись ждать...

Реакция израильских граждан на нашего постового превзошла все ожидания: они безропотно отдавали свои шекели, не задавая ни единого вопроса. Два взмыленный Юра подбегал к автобусу, прятавшемуся в засаде, и выпивал чуть ли не литр воды. Часа через полтора его стало раздражать, что ни один из оштрафованных даже не поинтересовался: а что, собственно, человек со значком «ГАИ Санкт-Петербурга» делает в окрестностях Иерусалима? В конце концов Стоянов не выдержал и, прижав к капоту автомобиля очередную жертву, грозно спросил: «Неужели вас не удивляет, что я стою посреди пустыни в советской милицмейской форме?» Тот ему ответил: «Конечно, удивляет! В шинели в сорокаградусную жару!»

— **А сбылось предсказание подруги Аллы Пугачевой? Вы наконец разбогатели?**

— Деньги, конечно, появились, правда, не сумасшедшие, но ведь и слава тоже пришла! Девочка все-таки чуть-чуть просчиталась...

Беседовала Нина Жаркова